

© 1992 г., ЭО, № 6

Исмаил Бей Гаспринский

РУССКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО *

IV

Если взаимное знакомство, общность идей и интересов связывают отдельные единицы людей, то мне кажется, что те же мотивы отлично могут служить и для единения общественных групп и народностей. Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые бы своей живительной струей освежили и затхлое мировоззрение, облегчите доступ к ним новых идей и принципов,— и вы увидите, как быстро оживет, очеловечится и примкнет к русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мерами, а прямым и доверчивым обращением к учебным средствам и языку самих мусульман.

Словом, *нравственное обрусение* мусульман может совершиться путем подъема их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путем признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе. Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить, поощрить их развитие. Мне, может быть, скажут, что они могут учиться в русских школах и затем пользоваться русской литературой и печатью для своего развития. В отношении единиц — это так, но если дело идет о массах, то бессилие русских школ и науки в обсуждаемом нами вопросе, мне кажется, очевидно и не допускает возражений. Мне могут сказать еще, что для инородцев-мусульман открываются специальные русско-татарские народные школы для обучения их русскому языку. Увы, я был одним из наиболее ревностных учителей этих недавно народившихся школ, получил одобрение за свою деятельность и после шести-семилетней практики оставил эту деятельность, потеряв всякую надежду выучить говорить по-русски хоть одного татарина. Может быть, я был плохой учитель, но успехи и других многих сотоварищей моих не дали иных результатов, и мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымские татарские школы хоть одного татаронка со свидетельством на знание русской речи?

Что русская школа для татар есть мертворожденное учреждение — это доказывает ее практика, поддерживаемая и теорией дела. Представьте себе округу, волость, населенную мусульманами. Во всей округе по-русски говорит волостной писарь и бывающий там наездом становой. Вот в одной из деревень этой округи открывают русскую школу — земскую или министерскую, это все равно. Нанимается или строится помещение. Население недоумевает, зачем это, к чему это поведет... Вот появляется здесь народный учитель с тощим запасом разных книжек, и начинается лучеиспускание света русской науки и просвещения. Обыкновенно мусульмане посылают детей в школу не ранее 10—12 лет, по окончании ими курса своих мектеб — это их традиция. Учение в сельской школе продолжается не более 5—7 месяцев в году при 2—3-часовом занятии в день... Спрашивается какие же могут быть при таких условиях результаты обучения русскому языку?

* Начало см. в предыдущем номере (ЭО, 1992, № 5).

Консервативные муллы атакуют Гаспринского (карикатура, 1908 г.)

Вспомним, сколько времени и усилий нужно для того, чтобы путем школы, при желании, при отличных преподавателях и руководствах довести русского мальчика или юношу до сколько-нибудь основательного изучения иностранного языка, и мы легко поймем все бессилие инородческой школы, лишенной симпатии, почвы и даже сколько-нибудь удовлетворительных руководств. В Симферополе существует татарская учительская семинария для приготовления учителей из татар. В этом *закрытом заведении*, где татарские мальчики находятся под постоянным наблюдением и руководством опытных педагогов и наставников, окруженные русской прислугой, нужно *не менее трех лет*, как говорит опыт, усиленного учения по 10 месяцев в году при 7—8-часовом занятии в сутки в классе, чтобы выучить их русской речи настолько, чтобы было возможно дальнейшее преподавание предметов курса на русском языке. Если в подготовительном классе закрытого заведения нужно мальчику 3 года для усвоения русской грамоты, то ученику народной школы для такого же успеха необходимо, сравнительно, не менее 9 лет учения, при желании выучиться со стороны учащегося.

Очевидно, что если бы мы силой задерживали мусульманина в русской школе до 18—19-летнего возраста и успевали выучить его русской речи, то результат был бы сравнительно ничтожный, так как такая школа, как орган зубрения и обременения памяти, не имел бы никакого воспитательного значения, и время для того было бы упущено безвозвратно, между тем как, если бы целью инородческой школы поставить исключительную цель всякой школы — воспитание и развитие и воспользоваться для того родной речью инородца, то время, затраченное теперь на долбление русских слов и фраз, ненужных ему в его обиходе, пошло бы на обогащение его ума полезными занятиями элементарных образовательных наук и мусульмане могли бы получить толчок к умственному движению: они увидели бы в такой школе реальную пользу, а не нечто туманное и испонятное...

Высшее образование в России немыслимо без общегосударственного языка, но ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы, низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком. Этим путем знания проникли бы в массу мусульман быстро; они, вместо бесплодного зубрения русских слов, могли бы изучить, — что такое Россия и русские (отечествоведение), приобрели бы общеобразовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию своего образованного наставника.

Я решительно не понимаю, что может мешать введению татарского языка в

школе. Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно охранять насчет других языков империи? Если нет, то повторяем, пока элементарные познания не распространятся среди мусульман и не шевельнут их мозгов, до тех пор русская наука и речь будут для них недосыгаемы. Они не будут знать их значения, не будут чувствовать в них нужду. Иностранческие школы будут толочь воду, а русские гимназии и университеты тщетно ожидать и ожидать мусульманских юношей. Мусульманин не подозревает иной книги, кроме Закона Божия, иной науки, кроме богословия. География, история, арифметика и прочее ему вовсе неведомы. В его убеждении русская школа — *это мектеб*; гимназия и прочее — *это русские медресе*. А так как он имеет свой мектеб и медресе и желает быть муллой или кадием, а не попом или судьей, то его не интересуют ни русская школа, ни русские книги, которых он, по неведению, даже несколько опасается.

Света, света дайте нам, старшие братья, иначе мы задохнемся, будем разлагаться и заразим местность. Мы, мусульмане, — еще дети, так будьте же разумными педагогами; — говорите с нами так, чтобы мы понимали вас, а не хлопали только глазами. Когда мы поймем вас; когда в своем мектебе мы приобретем первоначальные плоды вашей науки и знаний; когда мы из татарских книг узнаем нашу родину Россию и ее порядки: будьте уверены, у нас явятся и желания, и средства наполнить ваши гимназии и университеты, чтобы трудиться рядом с вами на поприще жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, будем чуждаться, избегать их и не будем сознавать их пользы и значения, несмотря на трогательное красноречие и убеждение чиновников разных неведомых нам ведомств.

Как вы хотите, чтобы человек с завязанными глазами узнал другого и, не зная его, сочувствовал, сближался с ним? Если русская литературная речь оказалась несостоятельной как орган начального образования *среди русских же в Малороссии*, то очевидно, что в отношении татар он пригоден еще менее. Земства, после краткого опыта, сознали это и позакрывали открытые для татар школы, и ныне в лице таврического губернского земства ходатайствуют перед высшим правительством о введении в школы преподавания татарского языка. Еще несколько времени — и министерство народного просвещения сознает то же. Позволю себе привести одно соображение, хотя и несколько парадоксальное. Если бы для воспитания и просвещения ввести в русских народных школах преподавание на немецком языке, вместо родного русского, с лучшими учителями и руководствами, то можно ли ожидать практических результатов и скорого просвещения *русского мужика*? Если нет, то будьте уверены, что русский язык имеет в иностранческо-мусульманской школе еще меньше значения.

Школа — орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна. Русская речь распространится по Руси не путем нескольких десятков жалких школ, а улучшением, обогачением сообщений, расширением способов труда и торговых промышленных сношений населяющих ее народов. А для этого прежде всего надо позволить и помогать писать, читать и учиться на родном языке всякому русскому народу, не забывая, что наука одна для всего человечества, что она одна побеждает предрассудки невежества и только на ее почве последует единение татар с русским славянством.

V

Выше мы высказали убеждение, что для единения русских мусульман с русскими, для нравственного их обрусения, если можно так выразиться, следует смело и прямо прибегнуть к их учебным средствам и их собственному языку.

Если мы раз признаем возможность этого, то думаем, что этим путем легко можем влиять на воспитание, умственное развитие мусульман и впускать свежую струю воздуха в затхлую атмосферу их неподвижности и живительный луч света в мрак их векового невежества... Этим путем мы легко и скоро вдохнем новую жизнь в умственную и практическую деятельность ученого (улемы), торгового

и сельского класса мусульман, для коих русские воспитательные и образовательные учреждения то же, что для слепого свеча. В этом случае даже образование высшего класса мусульман, каковы первоклассные негодяи из внутренних губерний, бси, мурзы и пр. в окраинах, приобретет более солидное основание. Хотя некоторые члены этого класса ныне показываются изредка, как метеоры, в средних-учебных заведениях военного и гражданского ведомства, но они, за очень немногими исключениями, возвращаются восвояси с третьего или четвертого класса... В течение столетия из крымских мусульман только *один* кончил курс в кадетском корпусе и *один* окончил курс в университете. Мы не смогли собрать точных цифровых данных об успехах в этом отношении мусульман в других местностях России, но можем сказать, что и там результаты не более блестящи.

Не можем не привести здесь еще одно замечание, которое вполне заслуживает внимания и дальнейшого наблюдения. Мусульманин по простоте и патриархальности своего быта, по чистоте внушаемых ему с детства религиозно-нравственных принципов, чуждый хитрости и лицемерия, которыми он гнушается, человек честный. *Солидно* образованный мусульманин, к хорошим качествам заурядного присоединяет более широкие, гуманные взгляды на вещи: наука и знания, не колебля в нем мусульманских основ и симпатий освещают, гуманизируют его воззрения, уничтожая, конечно, предрассудки и суеверия. Но те мусульмане, которые волею судеб так или иначе освоят какой-то иностранный язык и приобретут внешний лоск европеизма, без солидной научной подкладки, — увы, эти люди почти потеряны для полезной деятельности жизни. Это — люди, потерявшие хорошие качества своего племени и усвоившие дурные качества другого. В молодости они обыкновенно люди дешевых свободных принципов, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лет они отвратительные ханжи и лицемеры, усердно отмаливающие грехи молодости в борьбе со всякой новизной и светом действительного знания и прогресса. Этот печальный тип мусульман я наблюдал среди нас, русских мусульман, среди арабов и очень много среди турок.

Избави нас Бог от таких плодов цивилизации и языкознания. Не языкознание развивает мозги, а научная подкладка воспитания: не русский язык вдохнет новую жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим действительным образом.

Выше мы сказали, что следует обратиться к учебным средствам самих мусульман и их языку. Мектебов, т. е. начальных школ, мусульмане имеют столько, сколько нужно. Высших школ — *медресе*, — представляющих в одно и то же время нечто в роде духовных академий, учительских семинарий и общеобразовательных заведений, — *есть достаточно*. Все духовенство и ученые (улемы), все учителя (ходжи) начальных школ (мектебов) суть создания медресе, которое есть единственный источник мусульманского знания, нравственности и добра. Влияние медресе на мусульманское общество и весь строй его жизни и мыслей несравненно сильнее, непосредственнее, чем влияние любого университета на европейское общество... Мектебы и медресе как учреждения, пустившие глубокие корни на мусульманской почве и выросшие в нее, а не наложенные на нее сверху, каковы инородческие народные школы, имеют важный авторитет у мусульман, пользуются их симпатией и доверием и освещены вековыми традициями. Было время, — и об этом смутно знают почти все грамотные мусульмане, по крайней мере 50—60% их, — когда мусульмане учились в своих медресе — *ильми-тыбие* (медицина), *ильми-икмет* (физика), *ильми-кимья* (химия), *ильми-набодат* (ботаника), *ильми-нуджум* (астрономия), *ильми-эндесе* (геометрия) и проч. Это смутные воспоминания и предания о медресе арабов времен блестящей эпохи их калифатств, когда в Багдаде, Кордове и других городах мусульманского Востока были медресе с 20—30 профессорами (мудерисы, муаллимы), преподававшими разные умозрительные и опытные науки. Программа же теперешнего татарского медресе — арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания — долбление и зубрение, — зубрение и долбление!

Мне кажется, что русские сослужат великую службу отечеству и человечеству,

воскресив для своих мусульман на русской почве славные арабские медресе, давшие в свое время столько знаменитых тружеников науки и мысли. Дать этому делу толчок будет *не трудно и не дорого*. Надо лишь подвергнуть небольшому преобразованию 9—10 медресе по России в таких мусульманских центрах, как Казань, Уфа, Оренбург, Астрахань, Ташкент, Самарканд, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дело умственного развития русских мусульман на прежнее основание. Все преобразованные медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» в отличие от непреобразованных, и можно бы дать их «сохтам» (студентам) некоторые преимущества и права. Сутью преобразования должно бы, по нашему мнению, быть введение в курс этих медресе преподавание элементарных, общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания педагогики и краткое русское законоведение). Преподавателями могли бы быть лица, получившие образование на восточном факультете университета или в Лазаревском институте Восточных языков. За руководствами серьезной остановки быть не могло бы. По три преподавателя, из коих один в то же время в качестве *мудериса-директора*, нам кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведение могло бы стоить (жалование учителей и учебные пособия) по 7—8 тысяч на каждое медресе, а на все 10 медресе важнейших центров потребовалось бы до 80 тыс. Допуская даже до ста тысяч расхода в год для десяти медресе, мы находим этот расход, для коего можно установить специальный сбор с мусульман, по образцу бывшего татарского сбора в Крыму, ничтожным, сравнительно с блестящими результатами, коих можно ожидать. В какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство, вместо нынешнего невежественного духовенства, имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей), — подготовленных к своей деятельности и развитых педагогов; и тогда можно бы поднять курс начальных училищ — мектебов до уровня требования времени и ввести в них лучшие, усовершенствованные методы преподавания, вместо существующих ныне долблениа и палки. Этим путем быстро проникли бы в массу русские или, лучшие сказать, общечеловеческие, гуманные идеи и знания. Раз принужденная любознательность вызвала бы среди татар сознательное, а не принужденное из-под палки стремление к просвещению. Тогда само мусульманство искало и создавало бы средства к изучению русской речи, чтобы ближе стать к науке и знаниям. Тогда не существовало бы настоящего недоверия к русскому просвещению, апатичного равнодушия к русской науке. Мусульмане убедились бы в том, что есть еще чему учиться кроме священного писания арабов... Тогда русские гимназии и университеты приобрели бы значение в глазах мусульман, их отчужденность, недоверие и апатия, эти следствия наведения, рассеялись бы как туман.

Подумайте, читатель, может ли от такой постановки дела пострадать русский язык и наука и не выиграет ли отечественное образование и общечеловеческая культура?

Что касается до значения собственно татарской речи как средства к приобретению познаний мы должны заметить, что 50—60% мусульман и мусульманок могут читать свободно по-татарски, тогда как по-русски прочесть и понять едва ли может *один из тысячи* из них. Поэтому не практично ли, не обязательно ли, в интересах общественного блага и государства, воспользоваться этим обстоятельством, этой татарской грамотностью, этой распространенной между мусульманами письменностью как проводником полезных сведений, отечествоведения и пр. в мусульманскую массу. Не следует ли облегчить, поощрить развитие печати среди татар? Разве было бы дурно, если бы распоряжения правительства и общественных учреждений имели возможность доходить до сведения многочисленных мусульманских подданных России в форме понятной им речи? Сколько бы недоразумений, убытков и несчастий можно бы избежать этим путем! Мне могут заметить, что русский мужик тоже ничего не читает, ничего не знает, но живет себе. Но, во-первых, он живет очень плохо и терпит очень много от

того, что ничего не читает; во-вторых, как бы то ни было, ему в силу одного уж его происхождения, его исторической традиции русские порядки и жизнь ближе знакомы, чем мусульманину, имеющему иные условия жизни, иные воззрения. Вот почему особенно важно знакомить мусульман с русскими порядками, понятиями и жизнью. Тут-то татарская письменность и грамотность окажет большую услугу, если не будем пугаться призраков и не будем преважно и пресерьезно играть в политику там, где нужно искренне приняться за дело и учить, сеять добро и правду, не стесняя себя воображаемыми препятствиями и спасениями. Под владычеством Англии в Индии зародилась и развилась ныне значительная туземная литература и периодическая печать, которая, служа интересам прогресса, нисколько, как видно, не вредит ни англичанам, ни их языку; иначе, наверно, англичане не поцеремонились бы задушить в зародыше туземное слово и печать... Закавказская администрация, кажется, сознала значение туземного языка в деле воспитания и управления краем. Благодаря ее практически верному взгляду на вещи и при ее помощи в Тифлисе зародилось и крепнет татарское печатное слово в лице «Зия-и Кавказ» (*Луч Кавказа*), приносящий местному населению громадную пользу, разъяснением и сообщением на татарском языке необходимых сведений и правительственных распоряжений, и которая, в случае распространения каких-либо вредных слухов, будет отличным средством для их опровержения. Кажется, польза очевидная, и много говорить излишне.

Резюмируя высказанные нами мысли относительно сближения мусульман с русскими и ознакомления их с Россией, мы выразим эти мысли в следующих положениях: 1) незнание, отсюда недоверие мешают сердечному сближению русских мусульман с Россией; 2) распространение отечествоведения и знания среди мусульман посредством русского языка почти невысказано; русские учебные заведения не привлекают даже одного из сотни мусульман высшего сословия, не говоря о прочих; 3) если ввести в курс мусульманских медресе элементарное преподавание наук на татарском языке,—то это облегчит доступ знаний в мусульманскую среду без всякого вреда для государства и быстро поднимет умственный уровень духовенства, среднего сословия и рассеет многие дурные предрассудки; 4) облегчение условий печатного дела на татарском языке, ввиду значительной грамотности татар, быстро распространит между ними необходимые полезные и практические сведения, почему необходимо покровительствовать и поощрять всякие издания на мусульманских наречиях; 5) было бы очень полезно, а потому и желательно, в областях с татарским населением иметь в судах толковых штатных переводчиков, чтобы избавить мусульман от больших потерь и нередко несчастий, охлаждающих их к отечеству, и необходимые распоряжения и извещения публиковать в местных ведомствах при русском тексте с переводом на туземный язык; и 6) от этих мероприятий ни интересы русского языка, ни интересы государства никоим образом страдать не могут.

Кончая настоящие заметки, позволю себе обратиться к образованной мусульманской молодежи. Братья, примитесь серьезно за дело народного образования: при помощи и содействии просвещенных русских обсудим лучшие способы к тому. Выучиться самому — достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Наша религия учит, что добро можно творить тройко: трудом, словом и подаванием, — и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны: — бедный помогает ближнему работой, ученый — поучением, богатый — подаванием. Итак, вы выучились, приобрели знания и добрые правила: не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам; переводите на татарский язык хорошие русские книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. В этом святом деле, надеюсь, просвещенные муфтии Таврический и Казанский окажут вам должную помощь и содействие своим влиянием и знанием. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, помятуя

священное изречение великого Алия, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

1 июня 1881 года.
Бахчисарай

Russian Islam

This is the 2nd part (1st part — «Ethnographicheskoe Obozrenie», № 5) of a pamphlet in Russian entitled «Russkoe Musul'manstvo», one of the first publications of Ismail Bey Gasprinski (Gaspraly) published in Simferopol in 1881 and reprinted here. The author's views on relations between Muslim world and Western civilization, represented for the most part by Russia, are reflected in the paper.

© 1992 г., ЭО, № 6

А. Беннигсен

ИСМАИЛ БЕЙ ГАСПРИНСКИЙ (ГАСПРАЛИ) И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В РОССИИ

В августе 1883 г., спустя ровно 100 лет после присоединения Крыма к Российской империи, в Бахчисарае, бывшей столице Крымского ханства, почти превратившейся ныне в обычный провинциальный город, вышел первый номер газеты «Тэрджиман» («Переводчик»). Ее основателем и редактором был Исмаил Бей Гаспринский, молодой крымский татарин, которого всего лишь через несколько лет будут называть «величайшим мусульманским реформатором XIX в.» и «человеком, пробудившим весь тюркский мир». Именно 1883 г. можно считать началом культурного и политического возрождения тюрков-мусульман в Российской империи.

Гаспринский и его газета, о которой мы еще будем говорить, были реальной силой, оказавшей влияние на умы российских мусульман и оставившей яркий след в истории. Чтобы понять причину этого, нам необходимо обратиться к истории. Русская армия впервые заняла Крым в 1736 г., затем в 1771 г., а в 1783 г. бывшее Крымское ханство было включено в состав Российской империи. Политика, проводившаяся Екатериной II в Крыму после его присоединения к России, была значительно более осторожной и либеральной, чем действия Ивана Грозного на мусульманских землях татар и башкир по среднему течению Волги двумя веками раньше. Надеясь избежать ошибок, допущенных Иваном Грозным в Казани, Екатерина настояла на отказе от насильственной ассимиляции мусульман, а русской православной церкви было приказано воздержаться от миссионерской деятельности. Фактически мусульманам была гарантирована полная свобода. В неприкосновенности осталось и высшее духовенство: в 1794 г. муфтий Бахчисарая был официально признан главой мусульманской общины. Однако и муфтий, и все мусульманское духовенство были поставлены под контроль российских официальных лиц.

Это новое положение означало, что как муфтий, так и прочие мусульманские сановники, например кадий аскер и кадии, уже не избирались мусульманским населением, как это было раньше, а назначались царицей из числа «благонадежных и законопослушных граждан». Вакуфная собственность в большинстве своем осталась нетронутой, а не реквизируемой, как это было при Иване Грозном